В БОЛДИНО
Парк в Болдино.
Ночных деревьев плечи.
Июньских лип подсвеченный уют.
Луна в пруду и ожиданье встречи.
Маслины глаз твоих
любого с ног сшибут.

Коричневые сумерки подворья.
Приглядываюсь: Пушкин у окна.
Симфония лягушек, неба море.
И вот навстречу мне идёт она.

Легка, светла, со звёздами знакома.
Но ревность вдруг сжигает без огня:
А вдруг да Пушкин выбежит из дома
И уведёт царевну у меня.

* * *
Как рассказать тебе, что я
Ни с кем тебя не предавал,
Что мне приятна грусть твоя,
Припухших губ твоих овал?

Да, были женщины, и я
Не мог сдержать свой жаркий пыл.
Но верь, любимая, что я
Другую вовсе не любил.

Я тоже счастлив
видеть нежность неба,
По улице – сирени пьяный пыл.
Я никогда таким
счастливым не был,
Хотя уже и плакал, и любил.

* * *
Над Куликовым полем – мгла.
Летит! Летит! Летит!
Её калёная метла,
Из века в век пылит.

Донской Димитрий и Боброк –
Плечом к плечу:
«Ты знай,
Не будем больше мы оброк
Платить тебе, Мамай!».

Но снова жатву жаждет мір.
Нет Азий и Европ!
Справляют бесы праздный пир
И – голова в сугроб.

То лях надменный набредёт,
То белобрысый швед.
Метла – метёт! Метла – метёт!
Метле покоя нет!

Война рванула взрывом – в ноги,
И – кровью в горло. Солона!
И дышит пепел на дороге,
И ходит полем седина.

И – ад вокруг, и – Рай в глазах,
И – мамка плачет в небесах!

ЗА БРУСТВЕРОМ
Этот бруствер видел много:
Пыль, горбатую дорогу,
Трясогузку и траву,
Смерть и неба синеву.

Здесь, на этой вот песчинке,
Доживала жизнь слезинка
Паренька из Воркуты.
А за бруствером – цветы.

Я иду и собираю
Для Анюты и для Раи –
Медсестричкам нашим. Тут
Все луга для них цветут.

Я иду и собираю
Для Анюты и для Раи
Эти странные цветы.
От войны они седы.

* * *
Слеза накатит беспричинно,
Как мне покажется. И что ж?
Вот я – не молодой мужчина,
А на дитя сейчас похож.

Мне больно стали трогать сердце
Летящий лист и птицы плач,
И мятный сумрак
в тёплых сенцах,
В чулане пыльном детский мяч.

Так что же душу расшатало,
По сердцу лезвием скользя,
Что дымка сизая вокзала
Вдруг набухает как слеза?

Так что же остро так – не знаю! –
Вся жизнь моя, вся боль чужая
Горит слезой в душе моей
Сквозь горечь дней
и радость дней?

ВСПОМНИТСЯ
Тускнеет лесов позолота,
По саду гуляет тоска.
Осенние бледные воды.
Почти не живая река.

Евгений ЮШИН — Сквозь горечь дней и радость дней...

Я изменял? –
Не изменял!
Но был с другой? –
С другою – был.
Весна. Распутица. Вокзал.
Но и с другой – тебя любил.

* * *
Любимая, руки твоей коснуться,
А вот уж и волнение – до пят.
Твои ли кудри-волны
в речке вьются?
А засмеёшься – ландыши звенят.

Я – дикий человек, живу в деревне.
Мне хорошо на родине моей.
Смотрю, как в небо щурятся деревья,
Покачивая краешком ветвей.

Простор и холод –
век открыт.
И скифы всё летят!
То – полынья,
то – чёрный скит,
То – выводок грачат.

Но снова жатву жаждет мір.
«Молись, Боброк!» –
«Молюсь»
Гудит эфир,
летит – в эфир:
«Za Родину, za Русь!».

Донской Димитрий строг и прям.
Обочь – шеломом стог.
И в новой битве в помощь нам
Отечество и Бог.

* * *
Идёт братишка
минным полем,
Дорогой хлюпкой, горевой.
А мы грехи его отмолим,
Чтоб воротился он домой.

И сквозь пожухлую дернину,
И пёрышки зелёных трав
Донской Димитрий мчит дружину,
За землю русскую восстав.

Они поддержат нашу песню –
Кутузов, Жуков… Жгучий год!
Они – пришли,
они – воскресли,
Чтоб за собой вести народ.

И мы – готовы. Степь – былинна.
Зари пожара – не унять!
Идёт братишка полем минным,
Чтоб мог Суворов проскакать.

ЧИТАЯ СЕРГЕЯ ЩЕРБАКОВА
Когда над крыльями осин
Стоит особенная синь –
Синее сини синь стоит
И синь несметную таит;
Когда оттает вкруг сосны
Гнездо проснувшейся весны,
Когда оттает дух лесной –
Весна становится весной.

У БОРИСОГЛЕБСКОГО МОНАСТЫРЯ
…И прикрыл свои очи святой Иринарх,
Тонкий сон посетил его тело.
И привиделось: скачет завистливый лях
Грабить милые сердцу пределы.

А и вправду – разор и пожары вокруг,
А и впрямь за набегом – набеги.
Поле вспахано пламенем, выжжен и луг.
Ухмыляется шляхтич Сапега.

Вопрошает: «Что скажешь,
суровый монах?
Что так взоры твои неучтивы?».
И к литовцам, и к ляхам
воззвал Иринарх:
«Убирайтесь! Останетесь живы!».

Узловатые пальцы
сложились в щепоть.
Вскинул старец тяжёлые руки:
«Вижу я, как мечом
отправляет Господь
Души пришлых на вечные муки».

Монастырские стены строги, как набат,
Грозным эхом сквозь годы и нивы
К тем, кто сеет разор и чужого хотят,
Не угаснув, слова Иринарха летят:
«Убирайтесь! Останетесь живы!».

Иду я к старинному другу.
А кто одиночеству рад?
Туманы по жухлому лугу
Пригасят уставший закат.

И сядем за стол, за картошку,
За рюмочку возле печи.
И тут потеплеет немножко
В просвистанной дикой ночи.

Дождинки баюкают крышу,
Огонь подпевает печной,
И чудится: маму я слышу,
Танцульки у клуба весной.

Как всё-таки время жестоко!
Но вспомнится
день молодой
И та, что порою далёкой
Пришла и осталась со мной.

* * *
Этот лес меня любил.
Я входил в его чертоги.
Он мне ягоды дарил,
И тропу стелил под ноги.

Этот лес меня встречал
Птичьим щебетом и свистом.
В небе облако качал,
Ночью – звёздное монисто.

Этот лес любил меня,
Но приехала бригада,
Не оставила и пня:
Будет просека, что надо.

Ни гриба, ни птицы нет,
Только рваный гул прогресса.
ЛЭП протянут – будет свет.
Но темно душе без леса.

Не думал ли, отважный,
мне открывая путь:
твой огонёк однажды
могла б я и задуть –
холодным дуновеньем
и неповиновеньем…
Но теплить я взялась
невидимую связь.

* * *
Крепись и уповай, готовый ко всему,
открыты небеса, но рябью застит очи,
сквозь танец облаков, индиговую тьму
ты вряд ли различишь
пунктиры и отточья.

Крепись и уповай,
будь сердцем храбрый лев
и агнец в тот же миг
лицом невозмутимый,
готовься ко всему, себя преодолев, –
так примешь благодать
и бой неотвратимый…

Анна РЕТЕЮМ — Как хорошо забыть ключи...

* * *
Опять мороз, опять цветам и пчёлам
наутро воскресать из темноты,
но бражникам, пушистым и весёлым,
по вкусу обомлевшие цветы.
Опять морское солнце распалится
к полудню леденцовым ветерком
и сада изувеченные лица
расправит – лепесток за лепестком.
И маленькие пчёлы захмелеют,
где жимолость, тычинки оголя,
горчит, и души хрупкие согреют
в медовых ароматах миндаля.

* * *
Как хорошо забыть ключи,
сидеть под дверью кротко, –
сверчок сознания, сверчи,
сквозь темень околотка.
И делать нечего в плену
застывшей круговерти –
берёшь на плечи глубину
и вес небесной тверди,
берёшь на сердце остриё
звезды, скользнувшей кратко,
и одиночество твоё –
прозрение, догадка…

* * *
До неба далеко и до земли,
и далеко до сердца человека,
в какой мы все колеблемся дали,
точнее будет выразиться – в некой.
В дали бежит лавина облаков
и рдеет солнце над пучиной влажной,
как далеко, мы страшно далеко –
но всё ж люблю, и только это важно.

* * *
Сердце в этом мире чужестранно,
будто бы апостол в шумном Риме,
об одном вещает неустанно
пылкими словами и простыми.
И не понимает чёрной брани,
и не понимает подлой лести –
и сухими нищими губами
о любви твердит на лобном месте.
Посули динариев несметно,
власти посули, рабов проворных –
но продолжит проповедь бессмертно,
не приемля ничего из оных.
В суете лукавой не согреться,
не найти заветного порога –
лишь язык любви понятен сердцу,
краткая чудесная дорога…

* * *
Коснусь тебя – и где-то в вышине
услышу тайный
всплеск прикосновенья,
а встретимся глазами – и верней
духовных струн далёкое волненье…
Размолвимся ли, сердцем говорим –
на небе это всё звучит, на небе,
и будто бы симфонии творим
в земной печали о насущном хлебе.
Но совершается на небесах
не каждый брак, –
в оркестре вертикалей
не хлопай дверью, ибо на часах
нам вечную любовь предначертали…

ТЕНИ
Ночь имеет собственные формы –
ветры-тени, ветви-тени, зданья,
словно шёлк, разорванный, огромный,
траурниц пугливых очертанья:
дышит ночь, колышется, двоится –
мир переиначивая тесный,
кем угодно может притвориться,
под ногами вспархивая бездной.

* * *
Ты живёшь, как жила – волей тесной,
и котомку несёшь, как несла,
но внезапно в дали неизвестной
прогремит и обрушится мгла.
Ты проклятия ей не подаришь,
придорожных камней не швырнёшь,
волей доброй, как старый товарищ, –
отведёшь этот дождь, эту ложь.
Ты живёшь, как жила, но зачем-то
тучи снова кипят над тобой
и фанфары сквозящего света
пробивают заслон голубой.
Что ты можешь
понять в поднебесной
круговерти, в творении дня?
В этой схватке ужасной, чудесной
ты живёшь, никого не виня.

* * *
Шёл дождь по лесу предосеннему,
а ветер впереди бежал,
шум приближался, и растения
прекрасный ужас овевал.
Звучал он будто механически,
махина ливня, колесо,
и захотелось нам панически
взглянуть идущему в лицо.
Как поезд скорый по-над кронами
летел незримо и крутил
клубами синими, огромными…
А мы стояли на пути.

* * *
Ты смотришь, милый – мимо,
и будто нет меня,
едва ли различима,
как ветер – у огня…
Летаю, дух бесплотный –
и не объять уже,
ни словом, ни заботой –
на этом вираже.

* * *
Стань тоньше ветхого листка,
сухого стебля голоска,
былое тихо отпусти –
лети, лети.
Стань выше, коль на то пошло,
чем песни лунное стило,
пронзая тучи на пути –
свети, свети.
Стань чище утренних ветров
и смысла нерождённых слов,
отдай всё, чтобы обрести, –
прости, прости…

* * *
Танцует море, будто Саломея,
всей бирюзой Востока зеленея,
шелками колыхает и блестит,
и царственному оку сладко льстит;
танцует море, вьётся неустанно
в порывах ветра, гулкого тимпана…

* * *
Плещет в сердце бездонность печали
и смиренья великий покой,
отгремели шторма, отзвучали
страсти горной кипучей рекой.
«Суета и томление духа!» –
повторяешь о каждом ты дне,
но звезда в небесах не потухла,
хоть и горек твой опыт вполне.

* * *
Пёрышко чайки, морская трава,
тысяча тёплых песчинок –
день разгорелся, остыли слова
россыпью звучных картинок…
Даже в картинки я верю сейчас,
в звуки, лишённые слова,
Ты собирал меня тысячу раз –
Ты собери меня снова.

* * *
Останется лишь голос, тёплый голос,
и в ледяном сиянии миров
он выпорхнет вслепую, словно голубь,
когда поманит вечность-птицелов…
И обнажённый голос, словно голод,
подхвачен будет горькою волной –
скитаться будет он, но трубный Голос
откроет, наконец, простор иной…
Я отзвук Твой, я Твой летучий атом
и на земле чудесно побывал –
прими, насыть и отогрей меня Ты,
великий Голос –
Логос – что воззвал…

* * *
Незримо веет сквозь меня, легка,
река покоя, тишины река.
О, как не помешать, дыша навстречь,
Великой Тишине свободно течь?

* * *
Снится белая обитель
за метелью, за межой,
как сердечное наитье,
как предел мне нечужой –
под далёким стылым небом
снится много лет подряд,
не дотянешься и недо-
мыслишь, разве – наугад.

Всё зовёт она, и манит,
и звонит в колокола,
в снежном коконе-тумане
белой пасхою бела;
но куда ж мне – дети, дело,
а бураны всё поют,
что в обители той белой
есть мне келья и приют.

РАННЯЯ ВЕСНА
Мой друг, так морозно и слёзно
сияньем повергла весна,
и всё между нами серьёзно:
ты – мной, я тобой прощена.
Пульсирует солнце вселенной,
и снежные дебри тихи,
читаю тебе сокровенно
я птичьи следы, как стихи.
По насту, слегка голубому –
смиренная хвоя сосны,
и всё-то у нас по-другому
в обрушенной бездне весны.
Прекрасны снегирь и синица,
и леса хрустальная вязь,
и смотрит любовь как черница,
с дыханием стужи слиясь.

* * *
Разъято небо над тобой –
миры чудесных глаз
глядят из бездны голубой
на жизнь твою сейчас.
И не слукавить уж никак
среди лучей святых,
но можно сделать верный шаг
слепой душе – до них.
Ну а затем, куда бы путь
ни вёл ты во плоти,
той светозарной тайной пусть
управятся пути!

* * *
Весна летит, и я к тебе иду –
в каких-то снах,
по комнатам астральным,
в холодном лунатическом бреду,
в дыхании таинственном, хоральном…
По золотым ступеням облаков
над бездной ледяной, лучом разящей,
по гребням лет, по остриям стихов
иду к тебе опять – весной летящей…

* * *
Сбирают тёмный взяток свой с толпы –
Мятежники, шаманы и трибуны!
…Поэзия – поющие столпы,
Меж туч свинцовых солнечные струны.

Они недостижимы и нежны,
Но если дотянусь и сердцем трону,
Те звуки вдруг окажутся нужны
Молитве и тоске, толпе и трону…

* * *
Я рвусь вдохнуть простор – открытый
До звёзд, восторгом рвущий грудь!
Но, подстерёгшей болью сбитый,
Лишь краешек могу вдохнуть.

Всё учат – боль, печаль, беда ли –
Жить не по сердцу – по уму.
…Я только боль пережидаю!
А кажется, что – жизнь саму…

БУГОР
Мы всё ещё язык разборок любим,
Чтоб отстоять укропа куст – моё, мол!
…Жена не огород разбила – клумбу
Над брошенным пожарным водоёмом.

Качая головой, вздыхая тяжко –
«Зачем?!» – её пытала всё невинно,
Сочувственно – всей нашей трёхэтажки
Прекрасная, в годах уж, половина.

И хоть вся жизнь уже – не жизнь, а слёзы,
Не выжить русским бабам без подначек:
– Зачем ты тащишь на бугор мимозу?
Сажай уж лучше свой букет болячек!

А что в ответ? Смеясь, тащила сумки
Виновница – и тазики с рассадой:
– Минздрав рекомендует от инсульта –
Для круглых… чудаков; а я и рада!..

И восходили на песке (как в сказке, –
Для тех, кто наблюдал из холодочка) –
Созвездья роз и лилий, каны, глазки
Анютины (у нас Анюта – дочка).

Потом уж, вслед за смелыми за теми,
Растроганность в реальность облекая,
Светились астры, плыли хризантемы
Июньскими, сквозь август, облаками…

И вновь вздыхала, но уже не тяжко,
А восхищенно (и чуток повинно)
Вся-вся, я говорю вам, трехэтажка –
Не четверть там,
не треть, не половина!

КОСИТ КТО-ТО ЛАТКУ ЗА ПЛОТИНОЙ…
Хутора ушли – а мы и рады?
…Старый пруд, кого он тем смутил,
Что так долго – не забавы ради! –
Позабытым стёклышком светил?

Высох он – и стих шумок моторный,
Звук шагов и поплавков шлепки.
И уже спорыш дороги торной
Стёрла степь, как влагу со щеки.

Жили люди… Пели про Катюшу,
Про степного сизого орла…
Стихло всё. А яблони и груши
В плен орда терновая взяла.

Только кто-то – вряд ли для скотины,
Перевёл её давно народ –
Косит всё же латку за плотиной,
И не первый, видно, косит год.

Александр НЕСТРУГИН — Солнечные струны

Всё мы помним – скифство и хазарство,
Вон в музее – половецкий стан…
Косит кто-то – вряд ли для хозяйства;
Может, раньше песни пели там?

Будет где потом сойтись потомкам
Раз в году – и вместе, не тайком
Хоть поплакать – над рябиной тонкой,
Над в степи замёрзшим ямщиком…

* * *
Не узнал приятель
лет далёких: «Ты ли?!».
Мог бы отшутиться, мог бы, да не смог…
Не пугали дали горками крутыми,
Но без горок много ль на Руси дорог?

Та ли нынче удаль, и осанка – та ли?
Ладно, я об этом лучше промолчу.
Говорят, что сивку горки укатали…
Этим слухам верным верить не хочу.

Пусть не утешают этой правдой горькой:
«Устаёт с годами даже и металл…».
Говорят, что сивку укатали горки –
А ведь это сивка горки укатал!

Дней тянул телегу – круто ли, полого –
Всё своим простором, русским, не чужим!
И к чужим не жался столбовым дорогам,
И свою дорогу – глянь-ка! – проложил.

Кто пойдёт дорогой этою? Да вы же,
Вы уже идёте, милые, по ней!
…Хоть крутые горки вряд ли стали ниже,
Но родней равнина стала – и ровней…

КУЗНЕЧИК
Словом никого я не спасу,
Минул век элегий и сонетов…
Шёл кузнечик в травяном лесу,
Скрипочку настраивал на лето.

Шёл, забывшись, лесом – без дорог,
Весь в своих диезах и бемолях…
– Друг, очнись! – его я остерёг, –
Ты идёшь в объятья богомола!

И кузнечик мне ответил – мол,
Стал ты боязлив, поэт, и скушен!
Это же – листок…
А богомол –
Цап-царап кузнечика – и скушал.

А кузнечик просто лето звал,
Ничего не замечая подле…
…Скрипочку затихшую, – хоть знал,
Хоть и знал, что глупо ведь! – я поднял…

Никого я с нею не спасу,
Музыка от злых людей не лечит.
Но и в человеческом лесу
Должен быть
наивный свой кузнечик.

* * *
И почвы бедные, и всходы хилые,
Но что-то там пошепчет агроном…
– А дальше – химия? – Понятно, химия!
Но вряд ли мы с тобою – об одном…

И рифмы бедные, и смыслы хилые,
Но пошептал поэт и… Что за чёрт!
В худых тех строчках закипает химия –
И в кровь знобящий холодок течёт.

ЖЕНЩИНЫ
Донской бирюк, пред ними слаб я:
Любуюсь, что душой кривить…
Но жуть, когда в богинях бабье
Решится вдруг себя явить!

Ток электрический, озноб ли,
Боязнь коснуться и взглянуть…
А тут – ату его, в оглобли!
Супонь коленом затянуть…

О племя Евы, ты лукаво!
И ладно: нас ловя, лукавь…
Но, под уздцы держа веками,
Не запрягай, не понукай!

Опять, опять, опять и снова –
Волнуй, зови, диви, тревожь!
Но, хоть в преддверии ночного,
Кривой усмешкой не треножь…

* * *
Об этом говорилось много –
И вопросительно, и строго;
Те речи – разные, но целят:
Когда ж поэзию оценят?!

Мир состоит из половинок
Разнящихся: душа и рынок.
Сопит торгаш – и мы туда же:
– Когда же вырастут продажи?!

А ты возьми столетий счёты,
Костяшку сбрось – и видишь что ты?
Там живы классики… Скажи
Нам их тетрадок тиражи!

А если ты картинку смажешь,
«Отстань, забудь!» –
в сердцах мне скажешь,
Скажу, твою жалея злость:
– Ещё одну костяшку сбрось…

* * *
Надо ж: ни одной командной нотки!
Вежливый, как ангел во плоти,
Вечером советовал синоптик,
Где дождям удобнее идти.

И дожди противиться не стали –
Ангел же, небесные уста! –
И идут, как велено, местами.
Как-то ж эти узнают места…

НАИЗУСТЬ
Окликните – сочувствием замучат…
И, чтоб о кровном с вами говорить,
Озноб и жар ваш
рябью строк заучат –
И сердца сбитый,
как дыханье, ритм.

Что скажете? – что вы их и не звали,
Живущих – то спасая, то виня?
…Стихи мои… я их почти не знаю…
Но знают наизусть они меня.

* * *
Тяжеловекие, седые,
Мои ровесники ворчат:
– Ну что теперь за молодые! –
И молодые не молчат.

И, фигурально, в драку лезут,
И этим радуют и злят.

У них такой, похоже, резус,
И нам бы надо это знать!

Вести тернами их… А кроме, –
Из лавров выйти не решась, –
Одной ли мы державной крови,
Узнать навряд ли будет шанс.

УШЕСТВИЕ
Поэт – как молоко снятое,
Насквозь светящийся обрат…
Ему со слов своих святое,
Как масло, сроду не собрать!

Пусть носится со строчкой серой,
Гремит в бубённые слова.
А ты придёшь – как новый Сергий,
От мира удалясь сперва.

Поэт – гордец пустой, и пусть он
Не лезет в горние дела!
А ты всё выбираешь пустынь –
Чтоб не совсем пуста была.

Пусть жизнь взята людьми лихими,
Беда людское горе жнёт…
А ты всё примеряешь схиму –
Не тянет ли, не трёт, не жмёт?

И, чужд любых мирских хотений,
Ты к терниям свернёшь с тропы!
И только ждёшь, покуда с терний
Садовник обстрижёт шипы…

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ
Спасал лишь лов чехони ли, тарани,
В лихих делах поднаторевших щук…
Всё остальное время я тиранил,
Как Карабас, не покладая рук!

Не знаю, как он, образ тот, сложился,
Ведь был я вроде и не так уж строг,
Но – баста: трепещите, сослуживцы, –
И граждане, спешащие в острог!

И детям – ну какая, к чёрту, ласка,
И как жене, скажи, от счастья петь?
…Лишь заполночь
с себя сдирал я маску,
Успевшую до крови прикипеть.

Сдирал, сдирал! –
не со слезами злыми, –
С теснящими дыхание слезьми…
Вам жалко? Что вы!
Мы ведь все слезливы,
Кого из нас, тиранов, ни возьми.